

**СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
А.М. КОЛЛОНТАЙ: ОТ СФЕРЫ ПРИВАТНОЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К ПРОСТРАНСТВУ
ПУБЛИЧНОГО В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(12 НОЯБРЯ 1917 ГОДА – 11 МАРТА 1918 ГОДА)**

О.М. Долидович, Т.А. Катцина

На основе архивных материалов, опубликованных источников и исследовательской литературы авторы статьи рассматривают разработку социальных мероприятий большевистского правительства после политических событий октября 1917 года. Материалы исследования уточняют и расширяют научные представления о развитии социальной сферы в новых политических условиях, позволяют понять роль первой женщины советского правительства – А.М. Коллонтай – в этом сложном и противоречивом процессе.

Ключевые слова: Александра Коллонтай, признание, государственное признание, социальная политика, народный комиссар, народный комиссариат государственного признания, наркомат

В 1917 году произошли кардинальные перемены в жизни российского общества, определив дальнейшее социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны на многие десятилетия. Социалистическая революция, приведшая к смене власти, положила начало социальной политике, которая стала сферой деятельности государства. Интенсивный поиск путей социального обновления страны, защиты нуждающихся, справедливого решения рабочего и крестьянского вопросов развернули политические партии и общественные движения еще накануне и в годы первой русской революции. Общественность, занятая в деле благотворения, предлагала для координации благотворительных обществ созвать особый Союз объединения [Гогель, 1909. С. 275–285]; распределить обязанности попечения между однородными территори-

альными единицами, как необходимое условие правильной организации общественного призрения [Красовский, 1909. С. 358–385]; провести коренную реформу городского самоуправления, организацию его на демократических началах [Лайтекс, 1910. С. 235–254].

Необходимость введения единой системы социального попечения¹ в масштабах всей страны была сформулирована в программе РСДРП, принятой Вторым съездом партии (1903). На 6-й (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912) партия вновь заявила о признании права пролетариата на социальное обеспечение, предложила соответствующие организационно-правовые формы социального обеспечения, гарантирующие реальное существование этого права (государственную систему социального страхования), уточнила случаи, когда такое право возможно (увечье, болезнь, старость, потеря кормильца и др.). Эти требования сформулировал В.И. Ленин, и они вошли в историю под названием «ленинской страховой рабочей программы» [Андреев, 1974. С. 53–67].

Анализ работ, посвященных социальному призрению и благотворительности, материалов съездов и выставок, позволил историку И.П. Павловой сделать вывод о том, что достаточно широкие круги дореволюционного российского общества считали в начале XX века возможным снимать социальную напряженность, гармонизировать межклассовые, межсословные и межгрупповые сферы взаимодействия путем создания системы социальной помощи [Павлова, 2003. С. 21]. Этот же автор справедливо оценивает социальную политику Временного правительства как результативную итоговую составляющую «всей буржуазной социологической мысли в этой сфере, не сдерживаемой после февральского этапа революции политическими обстоятельствами» [Павлова, 2000. С. 29].

В мае 1917 года в составе первого коалиционного правительства было образовано Министерство государственного призрения, ставшее центральным органом, объединившим дело призрения в масштабах всей страны. К осени того же года министерству были переданы со всем имуществом и капиталом царские именные благотворительные общества. Неустойчивость в работе Временного правительства и непредсказуемость революционного процесса сказались на частой смене руководства. Так, за неполные полгода сменилось три министра государственного призрения: Д.И. Шаховский (с 05 мая по 02 июля), И.Н. Ефремов (с 24 июля по 26 августа), Н.М. Кишкин (с 25 сентября по 25 октября

¹ Система социального попечения – установленная государством система социально-экономических мероприятий по материальному обеспечению граждан в старости и при нетрудоспособности, по всестороннему обеспечению матерей и детей, по медицинскому обслуживанию и лечению

[7 ноября]). Вскоре наметился постепенный переход от централизованного управления работой на местах к общему руководству, передаче учреждений в ведение местных органов власти [Катцина, 2005. С. 264–265].

В ходе формирования социалистического государства поиск требуемой для России модели системы социальной помощи был продолжен. Социально-экономические преобразования большевиков шли по линии ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма, во многом диктовались складывающейся обстановкой, на основе чего формировалась своеобразная идеология «военного коммунизма».

Первые годы советской власти ознаменовались рядом декретов и сопутствующих им циркуляров относительно построения системы органов социального обеспечения и их работы в центре и на местах. Так, 29 октября (11 ноября) 1917 года, то есть на шестой день после победы вооруженного восстания, глава Совнаркома В.И. Ленин подписал постановление о создании Народного комиссариата государственного призрения (НКГП)¹. А 30 октября (12 ноября) после беседы с А.М. Коллонтай В.И. Ленин вручил ей подписанное на бланке Петроградского Временного революционного комитета удостоверение «Республиканское правительство Совета народных комиссаров уполномочивает т. А.М. Коллонтай народным комиссаром общественного призрения» [Министры, народные комиссары... 1998. С. 56]. Коллонтай стала первой женщиной в советском правительстве.

Цель настоящей статьи – провести ретроспективный анализ практики решения социальных вопросов на этапе становления советского государства, связав ее с деятельностью людей, которые во многом определяли и проводили государственную политику в социальной сфере. В соответствии с авторским замыслом, в статье решаются две взаимосвязанные задачи. Во-первых, освещается работа первой женщины советского правительства – А.М. Коллонтай в качестве наркома государственного призрения. Во-вторых, раскрывается механизм формирования управленческой модели советской социальной политики в сложных условиях разрушения экономической системы страны, деформации быта людей и распада семейных связей, вызванных Первой мировой войной, революционными событиями 1917 года.

Личность А.М. Коллонтай привлекает внимание отечественных [Иткина, 1970; Шкаренкова, 1991; Пушкарев, Пушкарева, 2007] и зарубежных исследователей на протяжении не одного десятилетия, до сих пор

¹ Наркоматы (народные комиссариаты), центральные органы государственного управления в Советской России, унаследовали функции прежних министерств. Большинство наркоматов до середины ноября 1917 года находились в Смольном, затем – в зданиях бывших министерств. Состав и структура наркоматов в основном сложилась к январю 1918 года [Кулегин, 2006].

вызывая споры, разноречивые толкования и неоднозначные оценки. Работы западных исследователей представляют собой тщательный анализ теоретического наследия Коллонтай, ее взглядов на эмансипацию женщин, в свете яростной полемики между феминистками и марксистками, оценку ее роли в пролетарском женском движении [Стайтс, 2004; Clements, 1979; Farnsworth, 1980]. Интерес к таким фигурам, как Коллонтай, был вызван желанием сравнить большевистское освобождение женщин и процесс эмансипации женщин на Западе. Им удалось показать, что в Советской России не был реализован лозунг о полном равенстве полов. Привлечение женщин к политической работе носило декларативный характер, на всех руководящих постах в политике, промышленности, образовании и других областях главную роль играли мужчины.

На современном этапе теоретическое наследие А.М. Коллонтай изучается сквозь призму гендерной теории [Александра Коллонтай... 2003]. Однако внимание исследователей сосредоточено главным образом на изучении ее участия в революционном движении, вклада в разработку теоретических основ марксистского феминизма, дипломатической службе, анализе ее литературных произведений. В то же время работа Коллонтай на посту наркома государственного призрения не стала предметом специального изучения. По сложившейся историографической традиции исследователи считают ее пребывание в должности наркома слишком кратковременным. Так, Р. Стайтс в своем исследовании, посвященном женскому движению в России, лишь вскользь отметил, что

во время краткого пребывания на этом посту Коллонтай проявила некоторые административные колебания. Вначале она неохотно принимала силу в отношении оставшихся непокорными чиновников царской России [Стайтс, 2004. С. 439].

Между тем Александра Михайловна возглавила наркомат на начальном, самом сложном периоде его организационного становления, определила важнейшие направления советской социальной политики.

Ценным и интересным для нас оказался личный фонд А.М. Коллонтай (ф. 134), который хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Он включает документальные материалы по биографии А.М. Коллонтай, приказы, декреты Народного комиссара государственного призрения за ее подписью, материалы, собранные ею для своих публицистических, литературных работ, воспоминания, статьи о Коллонтай, отзывы на ее работы и пр. Значительное количество документальных материалов фонда – на иностранных языках. Ряд документов, касающихся дневниковых записей, переписки А.М. Коллонтай с родными и близкими по личным вопросам, а также документальные материалы о партийной и государственной деятельности Александры Михайловны с 1918 по 1950 годы имеют гриф «секрет-

но». Для характеристики различных сторон деятельности Наркомата государственного призрения привлечены документальные материалы из Государственного архива Российской Федерации (фонды А-413, А-3931, 6787). Использование каждого фонда было не равнозначным и зависело, прежде всего, от его непосредственной связи с выбранной темой.

Важное значение для исследования имеет также литературное наследие самой А.М. Коллонтай, которое формировалось с конца XIX века и до последних лет ее жизни: это беллетристические произведения, фундаментальные научно-исследовательские работы (преимущественно по женскому вопросу), агитационно-пропагандистские статьи, речи и доклады на конгрессах, съездах, конференциях, мемуары и другие материалы. Ряд произведений А.М. Коллонтай, характеризующих основные этапы ее жизни и определяющих круг ее интересов, вошли в специализированные сборники [Коллонтай, 1972; 1974; 1989; Марксистский феминизм... 2003].

Формирование аппарата управления социальным призрением

Почему при назначении первого наркома госпризрения выбор В.И. Ленина пал именно на Коллонтай? Причины следует искать в том, что она зарекомендовала себя как профессиональная революционерка, принимала участие в социал-демократическом движении еще с 90-х годов XIX века, в подготовке и проведении Октябрьского переворота, играла видную роль в международном социалистическом движении. Немаловажное значение имели ее личные качества – она была деятельной, активной, разносторонней, обладала ораторским талантом, неиссякаемым оптимизмом. Но главной причиной стало то, что Коллонтай была одним из немногих теоретиков большевистской партии, которые еще до революции изучали опыт решения социальных вопросов в западноевропейских государствах. Так, в 1913 году социал-демократическая фракция III Государственной думы поручила ей подготовить раздел о страховании материнства в законопроекте о страховании рабочих. Несколько лет Коллонтай работала в Британском музее Лондона, изучила огромный фактический материал о состоянии материнства и детства в различных странах мира. Итогом этой работы стал не только раздел в законопроекте, но и книга «Общество и материнство» [Коллонтай, 1916]. Коллонтай предлагала создать общественный фонд по страхованию материнства, который наполнялся бы доходами от налогов, для того, чтобы беременные женщины не зависели от алиментов, а получали бы государственную поддержку. Воспитание детей она также считала не частным делом, а общественной задачей. Забота о новом поколении – социальная функция государства, которое должно

дать женщине возможность полноценного участия в производительном труде. По сути, это был проект будущей программы Советской России по охране материнства: оплачиваемый отпуск по беременности и родам, общедоступные родильные дома, специальный режим работы. Таким образом, она доказывала необходимость государственного вмешательства в решение социальных вопросов. Эти взгляды соответствовали большевистской программе коренных социальных преобразований.

Сразу после назначения народным комиссаром государственного призрения Александра Михайловна поехала принимать дела в Министерство государственного призрения на Казанской улице. Но швейцар даже не впустил ее в здание, мотивировав это тем, что часы приема посетителей уже закончились, не желая слушать никаких объяснений. Работа министерства продолжалась, «будто ничего не произошло», начальники департаментов продолжали «скреплять» бумаги именем несуществующего уже Временного Правительства¹.

А.М. Коллонтай и ее помощнику А.П. Цветкову удалось найти в Смольном пустое помещение с единственным столом. На дверях повесили написанную от руки табличку «Народный комиссариат государственного призрения, прием посетителей от 12 до 4 часов»². Так началась деятельность нового Наркомата.

Между тем экономическая ситуация в столице, как и в целом по стране, ухудшалась. Нехватка хлеба, спекуляции, рост цен вызывали недовольство населения. В Москве, Петрограде и других крупных промышленных центрах регулярными стали забастовки рабочих. Партия большевиков, установив диктатуру, выступала от имени обездоленных масс, поэтому от нее все ожидали немедленных действий, помощи. Коллонтай вспоминала, как в первый же день работы Наркомата пришли просить помощи «здоровые ребята в ободранных шинелях»:

– Тут, что ли, большевики помощь выдают? Мы голодные. Без крова шляемся, никому дела до нас нет. Были на Казанской – швейцар сюда погнал. Идите, говорит, к большевикам, от них требуйте. Давайте нам помощь.

Пробуем выяснить: кто, откуда, инвалиды, что ли?

– Какие там инвалиды. Просто люди голодные. Не видите, что ли? Чего зубы нам заговариваете? Говорите прямо: большевики вы или нет?

Объясняем, что большевики-то мы большевики, но надо же знать, на каком основании такие здоровенные ребята из касс государственного призрения помощи ждут. Слушать нас не желают: коли мы большевики, значит, обязаны голодному человеку помочь.

¹ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 226. Л. 121.

² Там же. Л. 122.

– На что Советы-то власть брали, если о голодных никто заботиться не станет?

Набирают ребята – здоровые детины. Решительные. А наше положение – пиковое. Ведь касса-то бывшего министерства призрения еще в руках чиновников Керенского. Порылись у себя по карманам. Пустовато. Сложились с тов. Цветковым. Вышло что-то вроде двугривенного на брата. Выдали как бы «временное пособие». Приняли пособие наши клиенты по соцобесу, а уходить не хотят. А работу? Дай им работу! На то большевики и власть взяли, чтобы каждому работу дать. Сию же минуту, без задержек, без волокиты! [Коллонтай, 1974. С. 325–326].

Приведенный эпизод показывает, что большевики стали заложниками собственных популистских лозунгов о немедленном построении социализма и безотлагательном решении основных социальных проблем, которые население восприняло буквально и ожидало мгновенных перемен. Хлынул непрерывный поток просителей. Курьеры из богаделен просили дров для замерзавших стариков, увечные воины требовали своевременной выплаты пособий, помещений для вновь прибывающих с фронта, воспитательницы и няньки детских домов грозили бросить детей и разбежаться из-за того, что их нечем было кормить. Массовое недовольство населения могло вылиться во что-то более серьезное, чем просто митинг или демонстрация, поэтому организация деятельности нового наркомата превратилась в одну из первостепенных задач для большевиков. Было необходимо наладить серьезную, постоянную работу не в Смольном, в «походных» условиях, а в здании бывшего министерства [Коллонтай, 1974. С. 326].

Аналогичная ситуация сложилась и в прочих наркоматах, поэтому согласно решению СНК, все народные комиссары при содействии ВРК должны были занять здания бывших министерств и в них налаживать свою деятельность. Чиновники, оказывавшие сопротивление представителям новой власти, подлежали аресту, а не желавшие сотрудничать с ней – увольнению. В одиночку или с несколькими помощниками пришлось занимать министерства В.Р. Менжинскому (Министерство финансов), Г.И. Петровскому (Министерство внутренних дел), А.В. Луначарскому (Министерство просвещения), А.Г. Шляпникову (Министерство труда) и т. д. Новоявленные наркомы описывали чувства неуверенности и страха в этот период. Главной причиной, вызывавшей беспокойство, стало то, что в большинстве бывших министерств чиновники отказывались от сотрудничества с новой властью. А.В. Луначарский, назначенный возглавить бывшее Министерство народного просвещения, писал: «Хотелось сговориться по-хорошему хотя бы с некоторой частью его аппарата. Ведь жутко же было: надо управлять народным просвещением гигантской страны, а чиновников-то никаких и нет!» [Цит. по: Ирошников, 1966. С. 155–156]. Ему вторила Коллон-

тай: «Как занять министерство? Силой? Разбегутся и без работников останешься»¹.

В такой сложной ситуации Коллонтай решила заблаговременно привлечь на сторону новой власти младший технический персонал ведомства (курьеров, сестер милосердия, истопников, счетоводов, переписчиков, механиков, сторожей и т. д.), разъяснить им политику советской власти, призвать отказаться от саботажа и сформировать выборный Совет (по одному представителю от служащих и по два от младшего персонала)

для обсуждения стоящих перед министерством задач реорганизации государственного призрения на началах самостоятельности в интересах масс и для укрепления государственной власти за демократией России [Ирошников, 1966. С. 187; Ленинские декреты... 1972. С. 175].

14 (27) ноября 1917 года представители Совета во главе с А.М. Коллонтай пошли занимать здание министерства на Казанской улице в Петрограде. Делегатов встретил поток разбегавшихся чиновников, машинисток, бухгалтеров, начальников, которые не изъявили желания работать с большевиками. На местах остался лишь низший технический персонал – сторожа, почтальоны, уборщики и незначительная часть служащих, сочувствовавших новой власти. Кабинеты, канцелярии стояли пустыми, и хранили следы панического бегства: были брошены пишущие машинки, документы, бумаги. Касса в огромном несгораемом сейфе величиной с комнату, полная ассигнаций, оказалась закрытой. Организовать работу НКГП без наличных средств было невозможно: приюты, увечные воины, воспитательные дома, институты благородных девиц требовали материальной помощи. Лишь через несколько дней смогли найти ключи, после того, как начались аресты бывших сотрудников [Коллонтай, 1974].

Насколько накаленной была обстановка, свидетельствует распоряжение Петроградского временного революционного комитета от 16 ноября 1917 года о выдаче А.М. Коллонтай девяти револьверов и необходимого количества патронов к ним «для членов Совета при Народном комиссариате по призрению» [Цит. по: Баева, 1977. С. 80].

Деятельность первых советских наркоматов началась в условиях, когда не было бумаги, карандашей и самых элементарных канцелярских принадлежностей. Печати и штампы были еще с символикой Временного правительства. Не хватало сотрудников – машинисток, секретарей, делопроизводителей, не было даже охраны. Не имевшие опыта работы в министерствах и ведомствах, бывшие революционеры просто не знали того, как самостоятельно наладить работу наркоматов. Яркой иллюстра-

¹ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 216. Л. 86.

цией этих событий служат воспоминания Я.С. Ганецкого, назначенного в конце ноября 1917 года помощником главного комиссара Государственного банка:

Жутко мне стало, когда я в первый раз появился в здании банка. ... Большие, темные коридоры, битком набитые народом. Ходят в разные стороны, шумят, кричат. Тут клиенты, томящиеся у окон, требуют денег, справок. Беспорядочно суетятся работники банка, какие-то необычные банковские чиновники, видно новая публика, не привыкшая к банковому делу, не знающая его. Тут и военные, пытающиеся словом и штыком навести порядок в толпе. С трудом добрался я по лабиринту грязных и холодных коридоров в кабинет «главного комиссара». Большая темная комната, вся наполненная дымом, в углу горит камин. В большом стуле сидит Пятаков ¹ над фолиантами бумаг, закутанный в пальто, с руками, опущенными в буйную шевелюру. Возле него человек 15–20. Одни выходят, другие приходят. «Ну, Юрий, за какую работу мне взяться?», – спрашиваю я. – «Да делай, что хочешь; приглядишься, а там посмотрим. Сейчас не до распределения функций, – смотри, что здесь происходит» [Ганецкий, 1927. С. 89].

Недостаток кадров стал одной из самых острых проблем. Историк М.С. Восленский отмечал, что ленинская организация профессиональных революционеров была слишком малочисленной, чтобы в условиях огосударствления всей жизни и монопольного положения правящей партии в огромной стране обеспечить занятие всех ответственных должностей [Восленский, 1991. С. 83]. К работе в новых советских учреждениях привлекали всех желающих. Главными критериями отбора кадров стали не профессиональные признаки, а «политические» – требовалось быть не дворянского и не буржуазного происхождения и демонстрировать лояльность к новому режиму. Мощный пласт сотрудников новых учреждений составили служащие старой России ². Как справедливо отмечает Л.И. Пыстина, в «период военного коммунизма» определяющую роль играли мобилизационные методы (принуждение). На решение проблемы привлечения специалистов к работе оказывали влияние политические и психологические факторы (изменение политических позиций и настроений интеллигенции в ходе гражданской войны – переход «от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его») [Пыстина, 1999. С. 12].

¹ Г.Л. Пятаков – в 1917–1918 годах – комиссар Народного банка; председатель Временно-го рабоче-крестьянского правительства Украины.

² Служащие бывших государственных, частных и общественных учреждений и предприятий среди сотрудников советских центральных органов, по переписи 1918 года, составляли: в Наркомздраве – 60,9 %, в Наркомземе – 58,8 %, Наркомюсте – 54,4 %, ВСНХ – 48,3 %, НКВД – 46,2 %, ВЧК – 16,1 % [Коржихина, 1987. С. 6].

Двумя ближайшими помощниками Коллонтай стали А.К. Цветков – секретарь комиссариата и И.Г. Егоров – бывший рабочий Путиловского завода, ранее председатель Петергофского районного Совета. 29 января 1918 года СНК назначил И.Г. Егорова заместителем Народного комиссара государственного призрения с предоставлением ему права решающего голоса в случае отсутствия А.М. Коллонтай на заседании. Руководителями отдельных направлений в НКГП Коллонтай назначала бывших младших и технических служащих ведомства, тех, кто хоть что-то знал о работе старого министерства. Было много людей случайных, которые ранее не имели никакого отношения к делу призрения. Так, артист провинциальных драматических театров П.П. Дриго с ноября 1917 года исполнял обязанности управляющего делами наркомата и производил организационную работу на местах, создавал хозяйственно-административные комитеты в приютах, богадельнях, убежищах для увечных воинов, организовывал продовольственные пункты и др. ¹

Неудивительно, когда Александра Михайловна писала, что на первых порах она сама и ее новые сотрудники были гораздо более опытны в «разрушения буржуазного строя», чем в административной работе. Катастрофически не хватало времени на то, чтобы разобраться в документообороте, особенностях управления тем или иным учреждением ведомства:

Громоздкий наркомат, составленный из самых несовместимых и мало соприкасающихся частей. Увечные воины и воспитательные дома, институты для девиц и колонии прокаженных, богадельни для старушек и монополия государственная фабрика игральные карт, приют для сирот и протезные мастерские, санатории для туберкулезных в Финляндии и Крыму и родильные дома, пенсионное дело (вдовам, отставным чиновникам и т. д.) и больницы для умалишенных и т. д. и т. д. Целое государство в государстве ².

Приоритеты и формы социальной помощи

Продолжавшаяся Первая мировая война истощила силы России, обострила все внутренние противоречия. Зимой 1917–1918 годов столицу наполнили беженцы, люди, обнищавшие в условиях войны и разрухи, уголовники. Наркомат непрерывно осаждали нуждающиеся: убогие, слепые, прокаженные, вдовы, солдатки и т. д.

Военные несли неутешительные вести с фронта: снабжение армии прекратилось, солдаты в окопах оказались на грани голодной смерти. Нарастало недовольство властью, которая вопреки своим обещаниям не

¹ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 346. Л. 11, 11 об., 12.

² Там же. Л. 88.

могла закончить войну. Петроград, превращенный в перевалочный пункт между фронтом и тылом, оказался переполнен ранеными и увечными, которых негде было размещать, многие спали прямо на улице. Если учитывать, что все эти люди были вооружены, то они представляли значительную силу. В условиях разворачивавшейся гражданской войны, непростой внешнеполитической ситуации, волнения в Петрограде могли обернуться для большевиков потерей власти.

Свои интересы в столице солдаты отстаивали через разветвленную сеть Советов солдатских депутатов, широкую сеть солдатских комитетов (ротных, батальонных, полковых, дивизионных, корпусных, армейских, фронтовых). Инвалиды, потерявшие свой единственный капитал – здоровье, «загнанные судьбою в Петроградские убежища со всех концов России», не намерены были, по их словам, отказываться от долгожданного за свои раны, «заслуженного своею кровью» удовлетворения своих неоплатных нужд¹. Коллонтай вспоминала: «Но напористее всех инвалиды войны. У них свой союз, они организованы и действуют твердо, напористо и настойчиво. От их требований не уйдешь»².

В сложной ситуации А.П. Цветков предложил использовать под жилые для раненых и больных помещения Александро-Невской лавры. Александра Михайловна идею поддержала. В статье «Пора покончить с “Черными гнездами”» она писала:

Что может быть более подходящим для санаториев, чем раскиданные по всей России «черные гнезда» – монастыри? Обычно они расположены за чертой города, среди полей, лугов; тут же сад, огород, коровы – значит, молоко для больных. И главное, отдельные комнаты-кельи для каждого больного! И все тут есть: и постели, и белье, и утварь, и вместительные кухни, и пекарни, и бани. Готовые санатории! [Коллонтай, 1972. С. 248].

Монастыри она расценивала как «гнезда тунеядцев», в которых монахи и монашки лицемерно делали вид, что спасают свои души, призывали их вернуться в мир для «честного» труда. Александра Михайловна не видела ничего кощунственного в том, чтобы «выставить из монастырей молодых, здоровых людей» и заставить их внести свою лепту в строительство «новой» России.

В монастыре на тот момент проживало около 60 монахов и несколько десятков послушников. Было решено оставить монахам один из флигелей, а в остальных помещениях разместить до тысячи человек раненых и больных. Комиссия, которую направили для переговоров с настоятелем, вернулась ни с чем. А.М. Коллонтай, И.Г. Егоров, А.П. Цветков получили подкрепление из наркомата по морским делам в виде отряда

¹ ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 8. Л. 65.

² РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 216. Л. 90.

матросов и отправились занимать лавру. Однако монахи ударили в набат, сбежались верующие, началась перестрелка. Не обошлось без жертв, были погибшие [Коллонтай, 1927].

Через некоторое время священники организовали торжественное шествие с иконами по Невскому проспекту, призывая народ отстаивать святыни церковей от поругания большевиками. В январе 1918 года патриарх Тихон в открытом обращении к обществу охарактеризовал произошедшие события как гонения на церковь и предал анафеме тех, кто принимал в них участие. 22 января работавший тогда в Москве Священный Собор Православной Российской Церкви одобрил патриаршее воззвание.

Понимая, что подобные эксцессы расшатывают положение большевиков, В.И. Ленин отменил приказ Коллонтай. Впоследствии, оправдывая свое решение, она писала:

В те дни такие решения принимались просто. О том, чтобы «согласовать» да «связать», не подумали. Не отдавали себе отчета, что действие вразброд – каждый на свою голову – вредит общему плану, вносит дезорганизацию и в без того несобранный еще государственный организм, подрывает Советскую государственную власть [Коллонтай, 1974. С. 334].

Однако инцидент с Александро-Невской лаврой не был случайностью.

И решение о «захвате» ее принимала высокообразованная, интеллигентная Александра Коллонтай. А ведь ей была хорошо известна и историческая ценность этого монастыря, основанного в 1710 году в честь Александра Невского, и что в стенах монастыря были похоронены А.В. Суворов, М.В. Ломоносов, М.И. Глинка, Д.И. Фонвизин, М.П. Мусоргский, П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, Ф.М. Достоевский... [Шкаренкова, 1991. С. 311].

Несомненно, Коллонтай знала о позиции Ленина в отношении церкви, единственной ее ошибкой стали неумелые и несвоевременные действия, которые вызвали волну народного возмущения в отношении большевистской партии. Но в целом она мыслила и действовала в духе антирелигиозной пропаганды, которая уже в этот период начинала вводиться в ранг государственной политики.

В дальнейшем наступление большевиков на церковь продолжилось. 21 января 1918 года был обнародован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», отделявший церковь от государства и положивший начало конфискации церковных имуществ. Осенью 1918 года Коллонтай, которая уже не была наркомом госпризрения, писала:

Почему мы все еще опасно ходим вокруг этих «черных гнезд»? Почему не как исключение, а повсеместно не используем эти великолепные оборудованные сооружения под санатории, под «Дома отдыха», под «Дворцы материнства»? [Коллонтай, 1972. С. 245].

Что касается «жертв империалистической войны» и «инвалидов-красноармейцев», то первоначально новое законодательство защищало их права и интересы. Так, 17 декабря 1917 года вышел декрет «О выдаче процентных добавок к пенсиям». В том же месяце Коллонтай подписала особый документ, наделяющий Московский союз военно-увечных чрезвычайными полномочиями требовать от всех представителей власти, учреждений, организаций города, представителей продовольственных, финансовых, транспортных, учебных и технических учреждений исполнять все требования союза [Коллонтай, 1989. С. 174]. Однако правительство большевиков отдавало себе отчет в том, что теми малыми ресурсами, которые были в их распоряжении, не удастся решить все проблемы бывших участников войны, и что такое скопление вооруженных и озлобленных солдат в Москве и Петрограде угрожает самому существованию новой власти. Поэтому курс СНК довольно быстро изменился, целью стало упразднение солдатских комитетов помощи военно-увечным, которые действовали очень сплоченно и организованно. Декрет СНК от 23 декабря 1917 года «Об упразднении комитетов помощи военно-увечным и передаче дела помощи увечным воинам и их семьям Всероссийскому союзу увечных воинов» фактически означал ликвидацию всех организаций Общегосударственного комитета помощи военно-увечным. Позднее рядом приказов комиссара государственного призрения А.М. Коллонтай были ликвидированы Общегосударственный и Петроградский комитеты помощи военно-увечным, занявшие антисоветскую позицию¹ [Ленинские декреты... 1972. С. 176].

Важным направлением деятельности народного комиссариата государственного призрения А.М. Коллонтай считала защиту детства и материнства. В работах «Социальные основы женского вопроса» (1909) и «Общество и материнство» (1916) она обосновывала необходимость государственного страхования материнства, создания бесплатных государственных детских садов и яслей. Будучи сторонницей концепции пролетарского феминизма, Коллонтай считала, что решение женского вопроса лежит в области обеспечения экономических возможностей для работающих женщин, нежели в предоставлении им политических прав, чего добивались «буржуазные» феминистки. Таким образом, забота о новом поколении должна была стать функцией государства, которое предоставило бы женщине возможность участвовать в производительном труде. Дополнительно необходимо преобразовать семейные отношения, вопросы воспитания детей и сексуальные отношения.

На новой должности Коллонтай получила возможность реализовать эти идеи. Она считала приоритетными два направления в работе нарко-

¹ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 151. Л. 1–1 об.

мата: организацию и реорганизацию тех учреждений, которые облегчали бы матерям тяготы материнства, а также борьбу с высокой детской смертностью.

По решению ЦК РКП (б) 12–15 ноября 1917 года в Петрограде была проведена Первая конференция женщин-работниц. Участницы конференции уделили большое внимание вопросам охраны и обеспечения материнства и детства. Предложения, выработанные на конференции, были положены в основу практической деятельности Наркоматов государственного призрения и труда, определили первые организационные и законодательные шаги в этой области.

Под руководством А.М. Коллонтай разрабатывались новые законы, призванные помочь женщине стать полноправным членом общества. Законы о расторжении брака и о гражданском браке устанавливали полное гражданское и моральное равенство супругов, уравнивали в правах внебрачных детей с законнорожденными. При участии Коллонтай были также разработаны положения об отпусках по беременности и родам, о пособиях молодым матерям. Созданы были специальные курсы, готовившие рабочих и крестьянок для работы в детских учреждениях. Лекции на курсах читала сама Александра Михайловна. Она сумела сплотить отряд врачей-энтузиастов – Н.Д. Королева, А.Е. Артеменко, М.В. Головинского, – которые активно участвовали в деятельности Наркомата госпризрения [Шкаренкова, 1991. С. 312]. В ведение НКГП перешли все ясли, консультации и приюты для детей, основанные до революции многочисленными благотворительными обществами. В 1917–1918 годах по 16 губерниям республики было организовано 46 домов матери и ребенка, 66 родильных домов, 59 консультаций, 47 молочных кухонь, 409 яслей [Дегтярев, 1998. С. 5].

Каждая новая область обеспечения, вливавшаяся в функциональную работу НКГП или вновь организуемая, отражалась в строении аппарата наркомата в виде образования нового отдела или особой коллегии. Так, например, 31 декабря 1917 года, в связи с ликвидацией Всероссийского попечительства по охране материнства и перехода в ведение комиссариата государственного призрения этой отрасли работы, организуется коллегия в составе шести человек, а при главном управлении комиссариата – особый отдел по охране материнства и младенчества (Охранматмлад) [Социальное обеспечение... 1927. С. 95].

В январе 1918 года все родовспомогательные и гинекологические приюты, клиники, институты перешли в ведение Охранматмлада. Родовспоможение организовывалось на новых основах: доступность клинической помощи всем неимущим матерям, перевод врачей на государственную оплату их труда. Одногодичные повивальные курсы акушерства преобразовывались в двухгодичные. Воспитательные дома были переименованы в дворцы младенчества. В январе 1918 года Отдел охраны

материнства и младенчества приступил к созданию показательного Дворца материнства в Петрограде. В его состав должны были войти: Дворец младенчества и Дворец материнства, музей охраны материнства, показательные ясли, консультации, молочная кухня. Дворец планировалось разместить в здании бывшего Николаевского института. Однако этому грандиозному проекту не было суждено сбыться – зимой 1918 года он сгорел. Причину возгорания выяснить не удалось.

При тушении пожара, куда спешно приехала Коллонтай, произошел неприятный для нее инцидент. Работницы воспитательного дома с криками и ругательствами окружили ее тесным кольцом и обвинили в поджоге:

Вот она, Коллонтай, кроважидная большевичка! Это она подожгла наш дом. Она хотела сжечь нас с малыми детьми. Заживо погубить христианские души. Комиссары зарятся на детский паек! Подождите, большевики, мы вам отплатим! ... Не слушайте Коллонтай, она антихрист. Это по ее приказу убрали иконы. Воспитательный дом она хочет обратить в дом терпимости! [Коллонтай, 1974. С. 342].

Одна из нянь схватила наркома за горло и начала душить. Спасло Александру Михайловну лишь вмешательство матросов и пожарных.

Такая реакция персонала воспитательных учреждений на появление Коллонтай была вызвана несколькими причинами. Во-первых, наркомат госпризрения испытывал значительные трудности в снабжении воспитательных домов. Няни и воспитательницы работали с детьми, которых нечем было кормить, сами находились в полуголодном состоянии. Вполне естественно, что деятельность большевистского НКГП оценивалась ими весьма негативно. Во-вторых, сама личность наркома вызывала отрицательное отношение персонала. Ее имя приобрело скандальную известность в связи с событиями в Александро-Невской лавре, русская православная церковь предала ее анафеме. Кроме того, А.М. Коллонтай уже была известна своими взглядами по вопросам половой морали и брака. Отмена церковного и введение гражданского брака, равные права супругов, отмена статуса «незаконнорожденный ребенок», право женщины на развод – все эти мероприятия были реализованы при непосредственном участии Коллонтай. Ей приписывали авторство широко известной «теории стакана воды»¹. По поводу ее личной жизни возникло огромное количество сплетен и слухов. Отношения с бывшим матросом П.Е. Дыбенко, который был младше ее на 17 лет, вызывали непони-

¹ Теория «стакана воды» была широко распространена в начале 1920-х годов. Ее суть заключалась в идее о том, что в новом, коммунистическом обществе удовлетворение сексуальных желаний должно стать таким же незначительным делом, как выпить стакан воды. Ее авторство необоснованно приписывали А.М. Коллонтай. Теория стала символом сексуальной распушенности.

мание, сарказм и насмешки даже со стороны коллег. Коллонтай с возмущением писала о тех сплетнях, которыми обрастало ее имя в народе:

Мои усилия по огосударствлению защиты материнства и детства дали повод для новых безрассудных выпадов против меня. Рассказывались всевозможные лживые истории о «национализации женщин», о моих проектах законов, обязывающих маленьких девочек в 12 лет становиться матерями, и т. д. [Марксистский феминизм... 2003. С. 14].

В январе 1918 года в рамках наркомата были организованы Коллегия призрения несовершеннолетних, Комиссия попечения о малолетних и несовершеннолетних заключенных:

Тогда же, – вспоминала Коллонтай, – Наркоматом госпризрения организованы были первые детские дома не приютского типа, распределители для детей и для нетрудоспособных; приступлено было к реорганизации положения дефективных детей; образована комиссия с доктором Артемовским во главе по организации санаторий во всероссийском масштабе (санатории тоже находились тогда в ведении Госпризрения); издан декрет о преобразовании родильных приютов... [Цит. по: Ирошников, 1966. С. 237–238].

К середине февраля 1918 года в рамках НКГП работало уже 10 отделов: канцелярия с секретариатом и регистратурой; отделы хозяйственный, охраны младенчества и материнства, пенсий и пособий, социального обеспечения несовершеннолетних с подотделами социальной помощи нормальным детям и дефективным, социального обеспечения инвалидов и вдов, лечебный (санатории, курорты, лечебные заведения), финансовый, бюро печати и отдел контроля. Историк М.М. Сухоруков подчеркивает, что функции народного комиссариата государственного призрения менялись буквально ежемесячно в сторону их расширения, что привело к громоздкой управленческой структуре, включавшей в себя «18 самостоятельных отделов и 10 других обособленных структурных элементов, таких как канцелярии, комиссии, бюро и т. д.» [Сухоруков, 1998. С. 210].

Обесценивание денег, необеспеченность товарной массы деньгами, влекли за собой замену денежных выплат натуральными выдачами, доходы с лотерей не контролировались и расхищались. Так, в середине марта отдел Первой Всероссийской лотереи Центрального Комитета Всероссийского Союза увечных воинов выявил недостачу 401 лотерейного билета, так как все решения Правления о лотерее выходили с большими замедлениями, из-за чего «верный доход от лотереи получил убыток около 7 млн. рублей»¹. Летом – осенью 1918 года последовал ряд

¹ ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 6. Л. 19, 19 об.

распоряжений по Наркомму социального обеспечения¹, направленных на пресечение случаев опоздания сотрудников на работу, прогулов, разговоров «целыми группами в то время, которое должно быть занято деловой работой», недобросовестное ведение дел. Служащим это грозило немедленным увольнением (о его причинах сразу сообщалось в профсоюз), привлечением к ответственности за упущения на службе². Сопоставляя эти материалы с исследованиями, характеризующими работу Министерства государственного призрения Временного правительства [Сухоруков, 1996; 1998; Павлова, 2000], находим общее в финансовой неразберихе, снижении трудовой дисциплины, исполнительности и порядка в учреждениях.

19 марта 1918 года А.М. Коллонтай была освобождена от обязанностей народного комиссара государственного призрения. В своих воспоминаниях об уходе с поста наркома она писала:

В партии имели место разногласия. По причинам принципиального несогласия с текущей политикой я ушла в отставку с поста народного комиссара. Постепенно меня освобождали от всех других поручений... Революция шла полным ходом. Борьба становилась все более непримиримой и кровавой, многое из происходящего не соответствовало моему мировоззрению... [Марксистский феминизм... 2003. С. 14].

Причина заключалась в том, что А.М. Коллонтай выступила против заключения Брестского мирного договора, разделяя позиции «левых коммунистов». В.И. Ленин воспринял это крайне негативно, так как в условиях гражданской войны стремился уничтожить любую внутрипартийную оппозицию³.

Месяц спустя, 26 апреля 1918 года, вышел декрет о переименовании Народного комиссариата государственного призрения в Комиссариат социального обеспечения. Переименование объяснялось тем, что прежнее название не соответствовало социалистическому пониманию задач социального обеспечения, являлось пережитком дореволюционного понимания социальной помощи, прежде всего как милостыни и благотворительности. Деятельность Народного комиссариата социального обеспечения была впоследствии подтверждена ст. 43 Конститу-

¹ 18 марта 1918 года СНК постановил необходимым преобразовать Народный комиссариат государственного призрения в Народный комиссариат социального обеспечения.

² ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Л. 64, 78, 204, 204 об.; Ф. 6787. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Из-за несогласия с политикой правительства по вопросу о войне из состава Совнаркома вышли левые эсеры и некоторые большевистские наркомы, в том числе А.М. Коллонтай. Она резко других мотивировала свою позицию, утверждая то, что заключение мирного договора с Германией ослабит революционный размах мирового пролетарского движения и приведет к подрыву советской власти [Искендеров, 2002. С. 89].

ции РСФСР (10 июля 1918 года). Во главе отдельных народных комиссариатов находились члены Совета Народных Комиссаров, а при каждом народном комиссаре, под его председательством, образовывалась коллегия, члены которой утверждались СНК (ст. 44 Конституции) [Конституция... 1918. С. 249–250]. Коллегию Комиссариата социального обеспечения составили питерские рабочие: нарком А.Н. Винокуров, ранее работавший в Комиссариате внутренних дел, его заместитель И.Г. Егоров – председатель исполкома Петергофского районного совета, член коллегии Г.Ф. Федоров – активный деятель фабричных заводских комитетов, руководитель рабочей секции Петроградского Совета [Баева, 1977. С. 81]. После отставки с поста наркома Коллонтай сосредоточилась на работе в Комиссии ЦК РКП (б) по агитации среди женщин, вела активную пропаганду новых взглядов на «освобождение женщин» и решение женского вопроса.

Разногласия между А.М. Коллонтай и В.И. Лениным достигли своего апогея в 1921 году. Во время дискуссии о профсоюзах Коллонтай вошла в состав так называемой «рабочей оппозиции», которая предлагала передать управление народным хозяйством всероссийскому съезду производителей, объединенных в профсоюзы. На XI съезде РКП (б) в 1922 году группа была разгромлена, что повлекло отстранение Александры Михайловны с ключевых постов в партии и государстве. Ей припомнили и тот факт, что в дореволюционный период по своим убеждениям она стояла ближе к меньшевикам.

В ноябре 1922 года Коллонтай направили на дипломатическую работу в Норвегию. Причинами для первого в мировой истории назначения женщины послом послужили как ее напряженные отношения с руководителями большевистской партии, так и ее связи с европейским социалистическим движением, опыт работы на должности секретаря Международного женского секретариата при Коминтерне. В Норвегии она работала в представительстве СССР сначала советником, затем временным поверенным в делах, а с 1924 года – полпредом и торгпредом. В 1926–1927 годах она – полпред СССР в Мексике, в 1927–1930 годах – снова полпред в Норвегии, а с 1930 по 1945 год – полпред, а затем посланник в Швеции. После возвращения в Москву до конца жизни Коллонтай работала советником в Министерстве иностранных дел.

* * *

А.М. Коллонтай возглавляла Наркомат государственного призрения очень короткий срок (с 30 октября [12 ноября] 1917 года – по 19 марта 1918 года) и после отставки политического влияния внутри страны не имела. На этом этапе деятельность НКГП имела важнейшее значение для большевиков в чрезвычайных условиях войны, потери аграрных регионов страны, борьбы с белым движением, разрушения транспортной

инфраструктуры, голода, роста безработицы, миграции населения. Новому Наркому удалось организовать работу ведомства, хотя до осени 1918 года государственная помощь нуждающемуся населению еще не носила системного характера, однако ее видовое разнообразие значительно расширилось, по сравнению с царским временем, а конкретные действия диктовались возникающей необходимостью и сводились к своеобразной реакции на «стихийное бедствие».

Период становления советской социальной политики с 1917 по 1921 год современные исследователи называют «утопическим» [Лебина и др., 2007. С. 21]. Социальные проблемы трактовались большевиками как следствие войны и несправедливого общественного устройства в имперский период. Деятельность Наркомата государственного призрения была направлена на искоренение таких принципов, как «милосердие и благотворительность», «милость к падшим», которыми была проникнута идеология социальной поддержки в царской России. Система государственного призрения приобрела политизированный, избирательный характер.

Хотя в первый период цели социальной политики большевиков были подчинены эгалитарной идеологии, на практике такую политику было трудно реализовать в условиях отсутствия необходимых ресурсов. Правительство делало ставку на спорадические усилия в привлечении внимания населения к той или иной важной проблеме. Марксистское понимание социальных проблем, как результата социального неравенства, и принцип самодеятельности масс вылились в стремление преодолеть трудности путем мобилизации общественных ресурсов (концепция социального материнства, коллективистское воспитание, общественная работа).

Для советской социальной политики на этапе становления была характерна основная черта – отсутствие четких принципов распределения. Общая тенденция политики была связана с выстраиванием большевиками социальной опоры посредством социального обеспечения определенных категорий населения. Адресаты социальной помощи определялись на основе классового подхода. Приоритет отдавался красноармейцам и семьям погибших на фронте, но Коллонтай сделала также важным направлением в работе возглавляемого Наркомата охрану материнства и детства, активно проводила в жизнь политику поддержки женщины-работницы.

Список сокращений

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Список литературы

Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте Российской гендерной политики: Материалы международной научной конференции. Тверь, 11 марта 2002 года / Под ред. В. И. Успенской. Тверь: ТвГУ, 2003.

Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР. М.: Юрид. лит-ра, 1974.

Баева Л. К. Социальная политика Октябрьской революции (Окт. 1917 – конец 1918 гг.). М.: Политиздат, 1977.

Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь», 1991.

Гогель С. К. Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Трудовая помощь. 1909. № 3. С. 275–285.

Ганецкий Я. С. Работа в «Народном банке» // Кредит и хозяйство. 1927. № 10–11. С. 89–90.

Дегтярев Г. П. От общественного призрения к социальному обеспечению и социальной защите // Пенсия. 1998. № 3. С. 3–8.

Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 года – январь 1918 года. М.; Л.: Наука, 1966.

Искендеров А. А. Очерки истории советского общества. Первые шаги советской власти // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 73–98.

Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат. Страницы жизни А. М. Коллонтай. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970.

Катцина Т. А. Социальное попечение в первой четверти XX века (на материалах Енисейской губернии) // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 259–268.

Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972.

Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М.: Советская Россия, 1974.

Коллонтай А. М. Общество и материнство. I. Государственное страхование материнства. Пг.: Жизнь и Знание (Тип. Т-ва «Труд»), 1916.

Коллонтай А. М. По «божеским» делам у монахов: Из воспоминаний о первых днях Наркомата призрения // Смена. 1927. № 88 // <http://smena-online.ru/stories>.

Коллонтай А. М. «Революция – великая мятежница...»: Избранные письма 1901–1952 / Отв. сост. В. Н. Колеченкова. М.: Советская Россия, 1989.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987.

Коржихина Т. П. В. И. Ленин о сущности бюрократизма и методах борьбы с ним в условиях построения социалистического общества // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 3–19.

Красовский Л. В. Местопризнание по действующему законодательству // Трудовая помощь. 1909. № 2. С. 358–385.

Кулегин А. М. Наркоматы // Энциклопедический словарь Санкт-Петербурга // Электронная энциклопедия Санкт-Петербурга // <http://encspb.ru/index.php>.

Лайтекс К. Формы указания труда в России // Трудовая помощь. 1910. № 8. С. 235–254.

Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 21–68.

Ленинские декреты о социальном обеспечении / Отв. ред. В. П. Барыбин. М.: Юрид. лит-ра, 1972.

Марксистский феминизм. Коллекция текстов А. М. Коллонтай / Сост. и общ. ред. В. И. Успенская. Тверь: ФЕМИНИСТ ПРЕСС, 2003.

Министры, Народные комиссары государственного призрения, социального обеспечения, социальной защиты населения // Пенсия. 1998. № 9. С. 55–59.

Павлова И. П. Социальная политика Временного правительства // Вестник Красноярского государственного университета. 2000. № 2. С. 29–34.

Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX в.: Монография; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск: КрасГАУ, 2003.

Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1919 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 199–227.

Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.

Социальное обеспечение в РСФСР: К десятой годовщине Октября. М.: Мосполиграф, 1927.

Социальное обеспечение в советской России: Сб. статей под ред. и предисловием народного комиссара социального обеспечения А. Винокурова. М.: Гос. изд-во, 1919.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Сухоруков М. М. Модели социальной деятельности России в переходный период (февраль 1917–1921 гг.) // Социальная работа в России: прошлое и настоящее: Сб. ст. и материалов / Под ред. Л.В. Бадя. М.; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1998. С. 204–220.

Сухоруков М. М. Системно-функциональный подход к моделированию социальной деятельности в России: историко-управленческий аспект (1917–

1995 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Московский гос. социальный ун-т. М.: Б. и., 1996.

Шкаренкова Г. П. Народный комиссар государственного призрения А. М. Коллонтай // Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 года / Науч. ред. А. П. Ненароков. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991.

Clements B. E. Bolshevic Feminist: The Life of Alexandra Kollontai. Bloomington: Indiana University Press, 1979.

Farnsworth B. Alexandra Kollontai: Socialism, Feminism, and the Bolshevic Revolution. Stanford: Stanford University Press, 1980.

Олеся Михайловна Долидович
канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук,
Красноярский государственный торгово-экономический институт
электронная почта: dolidovich@mail.ru

Татьяна Анатольевна Катцина
канд. ист. наук, доцент кафедры социальных технологий,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
электронная почта: katsina@list.ru
